

О миропонимании. Таганрог янв.1918. Чтобы помнили глобальные социалисты

Сказки об установлении советской Власти - сколь мы их наслушались в недавнем прошлом, начиная с детского сада! Многое выходит теперь на Свет Божий. Вот обнаружилась ещё одна страничка - грустная, касающаяся моего родного города. Итак, январь 1918 года...

Десять лет назад, в 1992 г., Архиерейский Собор Русской Православной Церкви своим определением установил совершать празднования в честь новомучеников и исповедников Российских, прославленных в лике святых угодников Божиих, 25 января (7 февраля нов. ст.) в случае совпадения этого числа с воскресным днем или в ближайшее воскресенье после него. В тот же воскресный день, за вечерним богослужением об упокоении со святыми православных христиан в лютую годину гонений скончавших жизнь за веру и Церковь совершается торжественная панихида и прославление в слове священной их памяти.

О том, кого должно отнести к числу православных за веру и Церковь, принявших в годину гонений мученическую кончину, ясно говорил Святой Патриарх Тихон в своем архипастырском послании от 19 января 1918 г.: «Гонения воздвигли на Истину Христову явные и тайные враги сей истины, и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово... и всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани... Ежедневно доходят до нас известия об ужасах и зверских избиениях ни в чем не повинных, даже на одре болезни лежащих людей, виновных разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному...». Слова эти могут быть достойной эпитафией мужественно принявшим мучения и страшную смерть в городе Таганроге 17—22 января 1918 г. офицерам, юнкерам, студентам, гимназистам. Их было более двухсот человек...

Случаи кровавых расправ анархической массы «революционных» солдат и матросов над офицерами, юнкерами, чиновниками, священнослужителями и прочими «буржуями» и «контрой» имели место и до таганрогских событий января 1918 г. Однако эти эпизоды (при желании) могут быть отнесены к «эксцессам», явившихся следствием «разгула революционной стихии». Исторические данные о том, что произошло в Таганроге в конце января 1918 г. свидетельствуют, что безмерная жестокость, вероломство и наглая ложь в оправдание совершенных злодеяний были употреблены как средства «революционной борьбы» сознательно и они были делом рук не анархической толпы, а партийной организации. Они впервые обнаруживают преступный «почерк», многократно затем прописанный в истории Гражданской войны как, впрочем, и в общей истории XX столетия.

Город Таганрог входил в состав Области Войска Донского с 1888 г. Казачье самоуправление было легитимной властью. Войсковое Правительство с 25 октября 1917 г. «ввиду прекращения сообщения с центральной государственной властью, впредь до восстановления законной власти и порядка в России», приняло полноту исполнительной власти на себя.

Однако в Таганроге, как и в Ростове, продолжали легально действовать Совдепы и Военно-революционные комитеты. Второго декабря 1917 г. на совещании РВС Таганрога социалистами была предложена резолюция: «проявить все усилия, чтобы предотвратить гражданскую войну в Таганроге, для которой нет никаких данных». В ответ на это большевик Антон Глушко зачитал свою резолюцию, в которой говорилось: «Неверно утверждать, что в Таганроге нет данных для гражданской войны. Представители эсеров и меньшевиков не хотят видеть, что военное положение, введенное Калединым, проводится с настойчивостью... Абсолютно нет никаких гарантий, что завтра Каледин не станет громить рабочих Таганрога». После этого социалисты ушли из ВРК, что касается коммунистов, то их организация «целиком и полностью перенесла свою работу на заводы и там развила максимум дея-

тельности по подготовке восстания». Следует отметить, что несмотря на военное положение и «нависшую угрозу белого террора», по свидетельству члена ВРК И. Зайцева «совещание, обсуждавшее конкретный план восстания, проходило самый его канун в театре «Аполло», находящемся не более чем в 200 метрах от «штаба контрреволюции» — гостиницы «Европейская».

Со стороны Каменноугольного района, по линии железной дороги на Область Войска Донского наступала группировка под командованием бывшего прапорщика Сиверса в составе 3-го Курземского и 6-го Тукумского латышских стрелковых полков, двух интернациональных бригад, состоящих из немцев и мадьяр, отряда балтийских матросов, петроградских рабочих, — всего около 10 000 штыков и сабель при 10 тяжелых и 36 легких орудиях и двух бронепоездах.

Гарнизон Таганрога в первых числах января 1918 г. составляли юнкера 3-й Киевской школы прапорщиков, начальником которой был полковник Мастыко, начальником штаба — штабс-капитан Левицкий. Эта часть не входила в состав Добровольческой Армии, а подчинялась штабу Войскового Атамана А.М. Каледина. Численность личного состава школы прапорщиков была около 200 человек. Следует прибавить к этому числу еще несколько десятков добровольцев из учащейся молодежи Таганрога. Запись в добровольческую дружину производилась по призыву «Блока средне-учащихся» и «Организации социалистического студенчества».

Самым крупным предприятием в городе был «Русско-балтийский» механический завод, эвакуированный из Риги в 1915 г. и укомплектованный в основном рабочими-латышами. Численность их была свыше 12 000, и, «они быстро заняли руководящее место в основной рабочей массе».

То обстоятельство, что на Таганрог наступали полки латышских стрелков, а в городе их ожидали тысячи рабочих-латышей, которые, как и их сородичи из армии Сиверса, не любили русских и ненавидели историческую Россию — является по сути дела ключом к пониманию феномена «вооруженного восстания таганрогских рабочих».

«Решительно по всем заводам были созданы сильные боевые дружины... на каждом заводе был создан военно-революционный комитет, и каждый из них самостоятельно пытался установить связь с Сиверсом» — сообщает И. Зайцев.

Очевидно, что день и час мятежа был согласован с командованием Красной армии Сиверса. Впрочем, все четверо суток, пока шли бои в Таганроге, красные с севера даже и не пытались наступать — «они все еще не могли прийти в себя после разгрома 12 января под Неклиновкой отрядом полковника А. П. Кутепова».

Начало боевых действий было положено нападением рабочих Котельного завода на караул, выставленный Школой прапорщиков у гарнизонного продовольственного склада, где хранилась мука, близ того же завода. В перестрелке был убит рабочий Яков Валиков. Рев заводских гудков послужил общим сигналом к восстанию. Его центром стал Русско-Балтийский завод, во главе стояли Стернин, большевистский активист, прибывший из Петрограда, и Росликов.

Соотношение сил не давало полковнику Мастыко возможности для активных наступательных действий. Взвод юнкеров с одним пулеметом занял оборону на вокзале станции Таганрог, другой взвод использовал в качестве опорного пункта обнесенное деревянным забором здание казенного винного склада (спиртозавода) по ул. Камышанской (ныне Социалистическая). Остальные два взвода укрепились в центре города, в зданиях Коммерческого клуба и «Европейской» гостиницы.

В ночь с 17 на 18 января анархист-коммунист Н. Ткаченко и с ним около 30 человек проникли по крышам сараев в подворье дома хлеботорговца Жеребцова по ул. Николаевской, 70 (ныне ул. Фрунзе), где под охраной команды увечных воинов находился склад оружия «разошедшегося по домам» Запасного Заамурского кавалерийского полка. Ткаченко с анархистами вырезали караул, нагрузили оружием прибывший с Русско-Балтийского завода автомобиль, отправили его обратно на завод. Через некоторое время озабоченный задержкой

автомобиля, который должен был вернуться за новой партией оружия, Ткаченко стал звонить из дома Жеребцова на завод и торопить товарищей с отправкой машины. По-видимому, он был к тому времени уже изрядно пьян, т.к. не понял, что отвечал ему не «товарищ с Руссо-Балта», а офицер команды юнкеров, занимавших телефонную станцию. В дом Жеребцова был послан наряд, который взял 12 анархистов и транспортировал их в гостиницу «Европейская». Причем, как свидетельствует советский автор Г. Пономаренко, Ткаченко и еще четверо по дороге так и не пришли в себя. По версии Пономаренко — они были оглушены. По сохранным устным преданием воспоминаниям современников — пьяны. Во всяком случае, трудно представить себе, чтобы отряд хорошо вооруженных анархистов, «пошедших на дело», мог быть «в одну минуту оглушен и связан» без единого выстрела. Взятые на месте преступления убийцы караульных инвалидов были приговорены военно-полевым судом к расстрелу и расстреляны в ту же ночь во дворе гостиницы. Этот расстрел советская литература именуется «зверской расправой».

Второй день боев в Таганроге, 18 января 1918 г., ознаменовался большим ожесточением. Большевикам, осаждавшим склад, удалось поджечь запасы спирта, хранившиеся в его подвальных помещениях. Здание охватил огонь. По данным В. Е. Павлова в огне и при попытке прорыва из здания склада бывшие там юнкера, офицеры и гимназисты погибли все.

Оборона вокзала другим взводом Школы прапорщиков продолжалась 17, 18 и 19 января. В середине третьего дня осады большевики проявили «рабочую смекалку»: разогнав на привокзальных путях паровоз с двумя прицепленными к нему вагонами, наполненными «горючим материалом» — дровами, пустили его на перрон вокзала, с расчетом, что он разрушит здание. Расчет не удался. Паровоз на перрон выскочил, но стены вокзала не достиг. Атака красногвардейцев на «опешивших юнкеров» была успешно отбита.

Полковник А. П. Кутепов узнал о большевистском мятеже в Таганроге, по-видимому, только 19 января. На помощь юнкерам была переброшена 1-я офицерская рота 2-го офицерского батальона под командованием капитана Чернова. Ее 1-й взвод прорвался на вокзал. Наступать в центр города капитан Чернов, однако, не решился. Перед рассветом 12 января офицерский взвод и взвод Школы прапорщиков, взяв тела 5 убитых и забрав раненых, отступили на станцию Марцево, где соединились с 1-й офицерской ротой. Возможно, отказ от атаки в центр города был связан с надеждой на то, что по условию заключенного 19 января перемирия (об этом речь впереди) полковник Мастыко со своими людьми сможет беспрепятственно покинуть город.

Основные силы Школы прапорщиков, около 150 человек, ночь с 18 на 19 января оставив здания Коммерческого клуба и телефонной станции (ул. Николаевская), сосредоточились в «Европейской» гостинице на ул. Петровской. По-видимому, утром 19 января к полковнику Мастыко обратились представители Таганрогского Совета и членов Войскового Правительства от Социалистических партий эсеров и РСДРП (м) с предложением о заключении перемирия. Авторы советских исторических работ с подозрительным усердием доказывают, что никаких условий перемирия большевики не принимали. «Предатели пытались установить руку рабочего класса, когда он занес ее для смертельного удара по калединщине. Выросший на целую голову выше соглашателей, таганрогский пролетарий отвырнул (так в тексте — А.Н.) жалкую попытку оборонцев помешать рабочим уничтожить контрреволюцию», — писал Губарев. Однако, о том, что большевики согласились на перемирие, прямо сообщает красногвардеец И. В. Замлянский: «После заключения перемирия я, будучи все время в бою, отправился в штаб». Бывший в это время в отряде Кутепова капитан А.Ф. Долгополов пишет: «Убедившись, что юнкеров им не победить, большевики с радостью ухватились за предложение Комитета общественных организаций г. Таганрога о перемирии. Дабы не подвергать опасности мирное население и избежать разрушения города, Городская дума, Земский союз и другие организации предложили большевикам выпустить юнкеров из города с оружием в руках. Вначале большевики отвергли это предложение, а потом согласились»...

Рано утром 20 января полковник Мастыко с офицерами и юнкерами 3-й Киевской школы прапорщиков и добровольцами из учащейся молодежи Таганрога выступил из «Евро-

пейской» гостиницы, двигаясь по ул. Петровской, надеясь, согласно условиям заключенного перемирия, вывести своих людей из города. Колонна юнкеров прикрывала повозки с ранеными. На замыкающей повозке был установлен пулемет. На перекрестке ул. Петровской и Гоголевского переулка колонна была обстреляна большевиками с баррикады, перегородившей улицу и вынуждена была свернуть на Гоголевский. Отвечая ружейными залпами и огнем пулемета, отряд полковника Мاستыко продолжил движение по Гоголевскому переулку до ул. Чехова. Если бы отряду удалось прорваться на эту широкую, выходящую на Мариупольское и Ростовское шоссе улицу, то он был бы спасен. Но этого не случилось. Отряд повернул с Гоголевского на узкую тупиковую ул. Кузнечную, которую, к тому же пересекала широкая, заросшая ивами и кустарником балка Черепеха. Именно здесь колонну поджидала засада красногвардейцев с пулеметами. Отряд был скошен огнем. Раненых, около 50 человек, отвезли на Metallургический завод и живыми сожгли в коксовой печи. В тот же и последующие дни по городу прошли повсеместные облавы на офицеров и прочих «контрреволюционеров», из числа жителей Таганрога, которых убивали с крайней жестокостью.

Кровавый январь в Таганроге открыл новую страшную страницу летописи русской смуты. Через несколько дней большевистскими отрядами в Киеве была устроена резня офицеров, русской и украинской интеллигенции, духовенства. Именно тогда и был убит первоученик русского епископата митрополит Владимир (Богоявленский). Тогда же, в конце января 1918 г., в Симферополе, Севастополе, Ялте «революционные матросы» зверски убили около 2000 представителей «буржуазии»... В недавно изданном исследовании группы французских историков «Черная книга коммунизма», мы читаем: «Можно ли говорить о гражданской войне применительно к первым стычкам зимы и весны 1917—1918 годов между тремя тысячами добровольцев на Юге России и большевистскими отрядами Сиверса? Прежде всего, поражает контраст между незначительной численностью творцов террора и невероятной жестокостью большевиков по отношению не только к военнопленным, но и к гражданским лицам... Это уничтожение «врагов народа» явилось логическим продолжением революции одновременно и политической и социальной... Это миропонимание не возникло вдруг после октября 1917 года, но, с точки зрения большевиков, представлялось вполне естественным и законным».

Это «миропонимание», по точному определению А. И. Ильина, «не заблуждение, не слабость, не «болезнь» несчастного страдальца», но «злая человеческая воля, изливающаяся во внешнем деянии... направленная против сущности права и цели права; а так как духовность составляет сущность права — это противодуховная воля — по источнику, по направлению, по цели и по средству». Это следование воле дьявола и творение ее.

* * *

На старом кладбище Таганрога, в стороне от главных аллей, высится четырехметровый крест, склепанный из железнодорожных рельсов. Он осеняет могилу нескольких из тех, кто принял мученическую кончину в том январе. Воздвигнут крест был, по-видимому, при добровольцах (август 1918 — январь 1919). Память церковного народа передает из поколения в поколение имена погребенных здесь: Алексей, Андрей, Борис, Варфоломей, Василий, Иоанн, Николай.

24 марта 2001 г. на «могиле юнкеров», как ее называют таганрожцы, представителями РОВС установлено металлическое надгробье с надписью: «Честь России отстаившим христолюбивым воинам — русским юнкерам и офицерам, в годину смуты от богборцев умученным и убиенным».

Совсем рядом с могилой юнкеров скромное надгробие архиепископа Арсения (Смоленца). В сентябре 1917 г. он был епископом Таганрогским, викарием Екатеринославской епархии, с лета 1919 — епископом Ростовским и Таганрогским.

То же церковное народное предание говорит, что он тогда, в январе 1918 г., совершил отпевание этих семерых, позже, после изгнания большевиков, погребал и прочих убиенных и

замученных, тех, чьи тела были эксгумированы 10—22 мая 1918 года. Уволенный на покой с Семипалатинской кафедры в 1935 г. владыка остаток дней провел в Таганроге.

Незримая молитвенная связь соединила Архиепископа Арсения с его «поминальными чадами» при жизни и в вечности...

ЦГТБ имени А. П. ЧЕХОВА